

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. IV

(и.-е. **(s)ker-m-* в славянских языках:

*skormъ/a, **kroma*, **kъrmъ/a*, **kъrma*, *xromъ*,
русск. диал. *кромы*, *кормышка*)

И.-е. **(s)ker-m-* имеет в славянских языках многочисленные континуанты, однако у этимологов нет единого мнения по вопросу определения круга лексем, относящихся к данному гнезду. Поэтому представляется целесообразным подробнее остановиться прежде всего на примерах, в отношении которых существуют различные этимологические версии, а также постараться выявить слова, которые до сих пор не связывались с данным корнем.

К последним в первую очередь относится лексема **skormъ/a*, представленная в большинстве славянских языков. Фасмер отмечает ее в др.-русском, русск.-ц.-славянском, в русских говорах, украинском, белорусском, сербохорватском и польском ¹, Миклошич — также и в словенском (*škránja* 'жировая капля') ². Однако этот перечень можно продолжить, указав еще макед. *скрама* 'сливки' ³, болг. диал. *скрѣмъ* 'сливки', *скрѣма* 'мыльная пена' ⁴, *скрам* 'мыльная (грязная) вода' ⁵ и *скармѣ*, *скрам* 'сок от жареного мяса' ⁶. Несмотря на безусловно древний характер и широкое распространение в славянской языковой области, лексема до сих пор не имеет надежного этимологического объяснения. Миклошич приводит ее вообще без комментариев ⁷, Преображенский пишет: «Не объяснено», отвергая предлагавшееся ранее Горяевым сравнение с лат. *cremor* 'растительный сок' и нем. *rahm* 'сливки' на том основании, что эти слова «не имеют между собой ничего общего» и происхождение их неизвестно ⁸. Фасмер также не принимает этого сопоставления, отклоняя в то же время и другое, выдвинутое Гофманом, Вальде и Йоклем, — с греч. *χόρος* 'насыщение', лат. *Cerēs* 'богиня растительного мира', лит. *šerti* 'кормить (скотину)', алб. *thjer*, ввиду достоверного в данном случае корня **ker-*. Фасмер приводит гипотезу Брюкнера, поддержанную позд-

¹ Фасмер III, стр. 652—653.

² Miklosich, стр. 302.

³ Конески III, стр. 216.

⁴ Г. Христов. Говорят на с. Нова Надежда, Хасковско. «Известия на Института за български език», кн. IV. София, 1956, стр. 239.

⁵ Ю. Кювлиева и К. Димчев. Речник на Хасковския градски говор. — БД V, стр. 90, 208.

⁶ Т. Стойчев. Родопски речник. — БД II, стр. 266, 267.

⁷ Miklosich, стр. 302.

⁸ Преображенский II, стр. 308—309.

нее Махеком, согласно которой *skormъ связано с *kъrmъ на основе количественного чередования⁹. Однако *kъrmъ объединяется указанными авторами с лит. *šerti*¹⁰, т. е. как раз с тем словом, сопоставление с которым для *skormъ Фасмер считает неприемлемым (см. выше). В последнее время мысль о возможной связи славянских *kъrmъ и *skormъ на базе общего первичного признака 'жир' (и тогда *kъrmъ значило бы 'жирная пища') была выдвинута В. В. Мартыновым. Однако, справедливо отвергая сравнение слав. *kъrmъ с лит. *šerti*, автор в то же время ничего не пишет о том, с каким же конкретно и.-е. гнездом он предполагает объединить данные славянские лексемы, для которых он лишь восстанавливает ряд *(s)*kerm-*/*(s)*korm-*/*(s)*kъrm-*¹¹.

Итак, налицо невыясненность этимологической природы славянского **skormъ/a*. Основные гипотезы, как видно из вышеизложенного, базировались на основе первичности признака 'жир (сытость, корм)'. Славянский материал как будто дает для этого основание, т. к. значение 'жир, масло, жирная (скоромная) пища' зафиксировано в целом ряде языков: др.-русск. *скоромъ* 'жир, масло; скоромная пища', русск.-ц.-слав. *скрам* 'жир, маслянистость', русск. диал. (олон.) *скбром* 'жирная, скоромная, пища', укр. *скбром* 'скоромное', польск. *skrom* 'жир, сало'¹². Однако семантика 'жир, сало, скоромная пища' характеризует, как видим, лишь часть языков (вост.-славянские и русск.-ц.-слав.), тогда как южнославянские демонстрируют несколько иные значения (о чем подробнее см. ниже), а что касается польского, то наряду с 'жир, сало' здесь отмечено и более узкое значение — 'заячий жир'¹³, представляющее для нас особый интерес. Дело в том, что заячий жир издавна употреблялся в медицинских целях как лекарство для заживления ран, а следовательно, он специально отделялся от заячьей тушки и хранился особо, чтобы быть использованным в случае ранения. Так в Варшавском словаре читаем: . . . *skrom*, *sadło z zająca*, który nie tak w kuchni używany, jak bardziej w aptekach lub w domu gospodarze chowają; ten przykładają do rany jakowej, żeby ogień wyciągał i goił¹⁴. Здесь же есть упоминание и об аналогичном применении (для лечения наружных ран) также бобрового жира. Именно в этом значении ('заячий жир, употребляемый как лекарство в наружных ранах') польское слово было заимствовано белорусским (*скром*)¹⁵ и укра-

⁹ Фасмер III, стр. 652—653.

¹⁰ Вгйскнер, стр. 220; Машек², стр. 293.

¹¹ В. В. Мартынов. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкция праславянской лексики. «Этимология. 1968». М., 1971, стр. 17.

¹² Фасмер III, стр. 652—653; Резневский III, стб. 382, 390; Гринченко IV, стр. 140; Беларуско-рускі слоўнік. Рэд. К. К. Крапіва. М., 1962, стр. 861.

¹³ Варшавский словарь VI, стр. 178.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Носович, стр. 587; Miklosich, стр. 302.

инским (*шкрум*)¹⁶ языками. Невольно напрашивается сравнение со свиным нутряным салом, которое так же, как заячье, издревле применяется в народной медицине для приготовления мазей и пластырей¹⁷ и называется, в частности в белорусском, *здор*¹⁸. Любопытно, что многочисленные наименования жира различных животных, отделяемого обычно при разделке туши от мяса, связаны с глаголами в значении 'драть, резать': русск. колым. *здор* 'олений жир, содранный с мяса'¹⁹, севск. *дор* 'жир, сало в мясе животных, тельное сало', сиб. 'жир нутровой, сдор'²⁰, укр. *здірок* 'жировой слой на внутренней стороне кожи, срезаемый во время ее обработки'²¹, польск. *zdor* 'пленка с наростом жира, покрывающая желудок кормного борава'²², русск. псков. *срезь* 'жир в мясе животного'²³. Исходя из этих данных, естественно предполагать, что и название заячьего жира могло быть изначально связано с каким-то глагольным корнем с семантикой 'отдирать, отрезать'.

Но самая яркая и показательная в этом отношении семантическая картина наблюдается в с.-хорв. языке, где лексема *скрѣма* приводится составителями Загребского словаря с таким набором значений: 'жировая блеска (капля) на поверхности воды (супа)', 'луковая шелуха', 'тонкая пленка, кожица у человека и животных, Epidermis', 'короста, корка, струй', 'ледяная корка, которой покрывается подмерзшая земля', 'рыбья чешуя, клеск'. Очень интересно в формальном отношении с.-хорв. *скрѣмен*, м. 'капа маста' (= 'капля жира'), которое имеет облик слова, оформленного по типу основ на согласный²⁴. В современных же с.-хорв. словарях данное слово фиксируется обычно лишь со значением 'пленка; пенка'²⁵; см. еще *шкрѣмица* 'крошечка'²⁶ (деминутив от *скрѣма*).

Очевидно, что, исходя из предпосылки о первичности признака 'жир', трудно объяснить появление на его основе таких значений,

¹⁶ Гринченко IV, стр. 502. — Здесь же приводится *шкрум* 'нагар в трубе' (ср. еще в буковинских говорах Украины *шкрум* 'запах горелого, чад, нагар в трубе, сажа, пепел' — В. А. Прокопенко. Областной словарь Буковинских говоров. «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 473—4), которое следует рассматривать отдельно, в связи с болг. диал. *скрум* 'дым от сгоревшей ткани' (С т. К о в а ч е в. Троянский говор. — БД IV, стр. 224), 'запах горелого' (Н. К о в а ч е в. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиево. — БД V, стр. 40), 'то, что остается после сгорания какого-л. предмета', 'сгоревшая часть фитиля (у лампы)' (М. М л а д е н о в. Говорът на Ново Село Видинско. София, 1969, стр. 278), так как Младенов (здесь же) характеризует болг. слово как румынский элемент.

¹⁷ Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, т. XXVIII^A. СПб., 1900, стр. 143.

¹⁸ Беларуска-рускі слоўнік, стр. 334.

¹⁹ Богораз, стр. 58.

²⁰ Даль³ I, стб. 475.

²¹ Гринченко II, стр. 144.

²² Варшавский словарь VIII, стр. 414.

²³ Дополнение к Опыту, стр. 253.

²⁴ RJA XV, стр. 310.

²⁵ Московский вѣстник, стр. 672; Толстой¹, стр. 876.

²⁶ Толстой¹, стр. 1084; Iveković - Vrož II, стр. 533.

как 'рыбья чешуя', 'луковая шелуха', 'корка, струп', 'ледяная кора' и т. п. Семантические различия здесь слишком велики для того, чтобы указанная связь 'жир' → 'шелуха (чешуя, струп, корка)' выглядела правдоподобной. Но ситуация коренным образом меняется, если предположить, что для *skormъ первичным было какое-то иное, чем 'жир', значение (тем более, что семантика 'жир, жирная скромная пища' вообще отсутствует в современных ю.-слав. языках). Как отмечено выше, уже значение польского *skrom* ('заячий жир') подвело нас к мысли о том, что данная лексема могла быть изначально связана с каким-то корнем, означающим 'отдирать, отрезать'. К этому же выводу нас склоняет и разветвленная семантика, представленная в сербохорватском языке: дело в том, что все отмечаемые здесь значения ('шелуха', 'чешуя', 'жировая блеска', 'пленка' и др.) легко объяснить, исходя из широко распространенной, устойчивой семантической модели: 'отделять (тем или иным способом: резать, драть, бить, колоть)' — 'то, что отделяется, снимается: шкура, кожа, кожица, пленка, пенка, сливки, жировая блеска, кора, корка, ледяная корка, струп, перхоть, шелуха, кожура, чешуйка, рыбий клеск, (нутряное) сало, жир животных, осколок, черепок, мусор, отходы, кусочек, крошка' и т. п.

Указанная модель подтверждается многочисленными примерами. Причем из указанного максимального набора значений в каждой отдельной семье слов обычно бывает представлена лишь какая-то часть их (в самых разнообразных сочетаниях). Так общие со *skormъ значения обнаруживаются в составе следующих гнезд с исходной семантикой 'расчленять (драть), бить (отбивать), колоть (раскалывать)': **lusk-* / **luzg-* (ср. *luskati, *luščiti 'бить, обдирать, очищать с шумом, треском'): 'чешуйка, рыбий клеск', 'шелуха', 'пленка (плева) на мясе' (русск. литер. и диал. *луска*, *лузга*), 'шелуха, чешуйка' (с.-хорв. *љушка*); **lup-* (*lupiti 'бить; облупливать'): 'струп, корка, перхоть' (польск. *lupież*, русск. *луна*), 'шелуха, корка' (макед. *лунешка*); *(*s*)*kel-* (ср. *kolti 'колоть', лит. *skėlti* 'раскалывать'): 'жировая блеска на поверхности супа (воды)' (укр. и блр. *скалка*), 'шелуха' (др.-в.-нем. *skala*), 'чешуйка' (алб. *hale*); **der-* (*dërati) — *męsdъra: 'почечный жир, сало' (болг. *мездра*), 'кожица, пленка, оболочка' (с.-хорв. *мездра*), а также см. приведенные выше примеры с **dor-*, обозначающие 'жир животных'; **mer-* (ср. с.-хорв. *мерати* 'бить, колотить вальком белье при стирке'): 'жировые блески, плавающие на поверхности супа' (болг. диал. *мрѣнки*), 'тонкая кожица, пленка (в яйце, орехе), оболочка' (с.-хорв. *мрѣна*, *мрѣница*), 'плева, пленка, пенка' (словен. *mrѣna*, *mrѣna*), 'крошка' (с.-хорв. *мрѣа*)²⁷.

²⁷ Подробнее о данной семантической модели см.: И. П. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике. I. «Этимология. 1972». М., 1974. — Там же указаны источники, из которых взяты приведенные здесь примеры.

Итак, на основе вышеприведенных фактов, среди которых исключительную ценность представляют прежде всего с.-хорв. примеры, демонстрирующие уникальную семантическую архаику, можно сделать вывод о том, что слав. **skormъ/a*, первоначально означало 'то, что отрезается, отделяется: (кожа, пленка, пенка, слой жира. . .)'. Следовательно, значение, представленное в современных вост.-слав. языках 'жир (любой), масло, жирная (мясная и молочная) пища', вторично и возникло на базе 'животный жир' ← 'слой жира, жир в теле животного (обычно отделяемый (отрезаемый) от туши)'. Поэтому **skormъ/a* следует связывать с корнем в значении 'отдирать, отрезать, отделять'. Таковым в данном случае очевидно может быть и.-е. **(s)ker-* 'резать', распространенное с помощью расширителя *-m-*. И что особенно показательно — в составе этого и.-е. гнезда отмечаются многочисленные слав. образования, корневые и суффиксальные (без расширителя *-m-*), семантика которых чрезвычайно близка семантике славянского **skormъ*. Это прежде всего **skora*, континуанты которого, в частности, в польском (*skora, skórka*) значат 'шкура', 'кожа', 'тонкая кожица, пленка, оболочка', 'кора', 'корка (хлеба)', 'пенка (на молоке)', 'мезга (мягкая часть коры дерева)'²⁸; см. еще (также относящиеся к **(s)ker-*): 'корка на поверхности земли' (укр. *шкoрiйна*), 'корка; кора' (словен. *skralûp*), 'сливки' (словен. *skorlup*), 'скорлупа; шелуха' (чеш. *skořápka*), 'пенка (на молоке)', 'корка льда' (чеш. *škraloup*)²⁹ и др.

При предлагаемой трактовке славянское **skormъ/a* получает надежные семантические и формальные соответствия. Мы их находим среди примеров, отнесенных Ю. Покорным в гнездо с и.-е. корнем **(s)ker-*, расширенным с помощью форманта *-m-*: др.-инд. *cárman-*, авест. *čarəman-* 'кожа, шкура', др.-прусс. *kērmens* 'тело', др.-в.-нем. *skerm, skirm* 'щит (*из кожи)', греч. *κέρμα* 'обрезок, мелкая монета', *χορμός* '(отрезанный) ствол, шест', кимр. *cramen* 'струп', ср.-ирл. *screm* 'поверхность, кожа', ср.-в.-нем. *schram* 'шрам, рана; дыра, расселина в скале', ср.-н.-нем. *schram (-mm-)* 'царапина, насечка', *schramme* 'царапина, шрам, рубец', др.-исл. *skrāta* 'рана, шрам, рубец', лит. *krāmas*, лтш. *krama* 'струп', *krems, krams* 'кремень', *krimst* 'глодать, грызть'³⁰. Славянская же лексика представлена у Покорного следующими примерами: (предположительно) ст.-слав. *кръма* 'руль' (как '*отрезанный брус'), *кромѣ*, нареч. 'кроме, вне', ц.-слав. *пскромъ margo ranni*, *укромъ*, нареч. *singulatium* ('отдельно'), русск. *крома* 'крома, край', диал. *крьмь* 'лучшая часть леса', (предположительно) ст.-слав. *крьмы, крьмень* 'кремень'.

Кроме того, обычно фиксируют такие континуанты ступени **(s)kre-m-*, как в.-луж. *krjemić* 'дробить, крошить'³¹, словен.

²⁸ Linde V, стр. 260—265.

²⁹ Фасмер III, стр. 652.

³⁰ Рокорну I, стр. 938—945.

³¹ Pfuhl, стр. 288.

kremsača 'плохой топор'³²; интенсивные глаголы на **sati* — **krem-sati* и **kromsati*, которые Славский рассматривает в качестве праслав. диалектизмов: укр. *крѣмсаџи*, блр. *крэмсацъ*, словен. *kręmsati* (ср. параллельные образования на **-sati* с идентичными значениями от ступени **krom-*: русск. *кромсать*, укр. *кромсаџи*³³), а также слав. **kremy*, **kremene*, приведенное у Покорного с пометой «*vermutlich*», хотя, как правило, данную лексему уверенно связывают со **(s)ker-*³⁴. Очевидно, причиной, по которой Покорный объединяет **kremy*, *-ene* со **(s)ker-* лишь предположительно, был неясный для него характер их семантической соотнесенности. Об этом же в свое время писал и Преображенский: «Значение неясно»³⁵. Поэтому интересно отметить ряд фактов, свидетельствующих в пользу несомненной связи **kremy* со **(s)ker-* с точки зрения семантики и позволяющих реконструировать первоначальное значение для **kremy*. В современном языке слово *кремень* чаще всего ассоциируется с понятием твердости. В частности, в русском кремне называют человека с жестким характером. И это естественно, так как твердость — одно из самых характерных свойств данного минерала (она равна —7)³⁶. Однако нельзя не учитывать и еще одного важного обстоятельства: с давних времен кремни использовались для получения огня. Путем удара кремня об огниво высекались искры, которые зажигали трут. Но чтобы кремень хорошо кресался (выбивал искры), он должен был отличаться не только твердостью, но и еще одной обязательной особенностью — заостренной, неровной («осколочной») поверхностью, так как без этого нельзя получить сконцентрированного, определенным образом направленного пучка искр. Именно такой «занозистый», «раковистый» характер излома наблюдается у кремней³⁷. Поэтому не исключено, что в основу названия слова *кремень* мог быть положен признак 'острый, осколочный, занозистый'. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют и некоторые языковые факты: значение белорусского *крямачык* 'сломанный нож'³⁸ и пояснение к белорусскому *крямџушка* 'кремень': *крямџушку раз'биваџуц' каб была г'б'стра, иначаџ красац' н'и будз'а*³⁹; см. еще такой пример, приведенный у Добровольского: *крямушки съ абаихъ бакоу з а и с т р и н ы*⁴⁰; ср. также в сербохорватском: *Ја ћу њему доста оправити, оправити праха и олова, из Силистрџе о ш т р о г а* кремна⁴¹. Показательно, что сочета-

³² Miklosich, стр. 137.

³³ Sławski III, 2 (12), стр. 216; Фасмер II, стр. 381.

³⁴ Вернекер I, стр. 609—610; Фасмер II, стр. 370; Вгйскнег, стр. 275.

³⁵ Преображенский I, стр. 380—381.

³⁶ БСЭ² 23, стр. 319.

³⁷ Там же; Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь, XXXVII. СПб., 1903, стр. 24.

³⁸ Бялькевич. Магіл., стр. 235.

³⁹ Сцяшковіч, стр. 241.

⁴⁰ Добровольский, стр. 358.

⁴¹ Iveković - Broz I, стр. 579.

ние значений 'колоть' — 'скала; обломок (скалы), осколок' — 'кремень' представлено также у слов другого, близкого семантически к **(s)ker-* 'резать', индоевропейского корня — **(s)kel-* 'колоть, раскалывать'. См. яркий параллелизм значений у слов этих двух гнезд (**(s)ker-* 'резать' и **(s)kel-* 'раскалывать'): укр. диал. *кремін* 'скала, гора' и 'кремень, камень'⁴² — польск. *skata* 'скала, утес', *skatka* 'кремень' и 'острый осколок кремня, служащий для получения («кресания») огня'⁴³, укр. диал. *skalка* 'выступ скалы' и 'обломок скалы'⁴⁴ и блр. диал. *skalка* 'кремень'⁴⁵ (ср. также русск. *осколок* и др.).

Характерно, что случаи сосуществования у одного и того же слова (или у слов одного и того же корня) значений 'осколок' и 'кремень' наблюдаются не только в славянских языках: ср. швед. *flint* 'осколок', 'кремень', дат. *flint* 'кремень', диал. 'осколок'⁴⁶, см. также сочетание значения 'кремень' с 'щебень, галька' (франц. *caillou*) и 'гравий' (нем. *Kies* 'гравий' — *Kiesel* 'галька' и 'кремень') и т. д.

К принятию в качестве исходного для **kremy*, *-ene* значения 'осколок' нас склоняет прежде всего и семантика целого ряда других славянских континуант индоевропейского **(s)ker-*, представляющих ту же, что и в **kremy*, ступень огласовки корня, расширенного с помощью *-m-*, т. е. восходящих к **(s)kre-m-*. См. значения приведенных нами выше верхнелужицкого *krjemić* ('дробить, крошить'), праславянского диалектного **kremšati* (укр. *крѣмсати* 'обрубать, обтесывать' и др.), словенского *kremšča* ('плохой топор'). Особенно же показательна в этом отношении семантика неясного для Фасмера русского диалектного (псковского и тверского) *шкремѣтка* 'черепок'⁴⁷, украинского диалектного *шкремѣтки* 'мелкие обрезки и обломки меди, остающиеся при выделке различных медных вещей'⁴⁸, а также русских диалектных (новгородских) *оскремѣток* 'щепка' и *оскремѣтки* 'куски льдин'⁴⁹. См. еще чеш. диал. *křámat* 'грызть, кусать что-либо твердое (орех, яблоко)', *křámnūt* 'куснуть', *křámačky* 'старые зубы'⁵⁰ и *křámaček* 'кремешок'⁵¹. Итак, на основе всего изложенного, можно предполагать, что семантическая связь славянского **kremy* с индоевропейским корнем **(s)ker-* 'резать' базируется на предположении о первичности для **kremy* значения '(острый) осколок, обломок'.

⁴² О н ы ш к е в и ч, стр. 383.

⁴³ Варшавский словарь VI, стр. 127.

⁴⁴ Т. А. М а р у с е н к о. Название рельефов в Хмельницкой области УССР. «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972, стр. 294.

⁴⁵ Б я л ь к е в и ч. Магіл., стр. 406.

⁴⁶ Э. А. М а к а е в. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 186.

⁴⁷ Ф а с м е р IV, стр. 450; Д а л ь³ IV, стб. 1449.

⁴⁸ Г р и н ч е н к о IV, стр. 502.

⁴⁹ Картотека Новгородского ГПИ. Выписки В. А. Меркуловой.

⁵⁰ С в ѐ г а к. Karlov., стр. 120; Malina. Mistf., стр. 48.

⁵¹ G e b a u e r II, стр. 139.

С этими лексемами объединяются русск. диал. *кремь* 'часть засеки, где растет лучший строевой лес', *кремлевый* 'крепкий, прочный (о строительном лесе)', *кремлевая сосна* 'сосна на опушке леса (на сухой почве)', др.-русск. *кремль* и *крем(ь)никъ* 'внутренняя крепость', русск. *кремль*⁵²; см. еще русск. диал. *крем*, *кремь* 'мелкослойная часть дерева, отличающаяся наибольшей твердостью'⁵³, *крэнь* (< *кремь*?) 'мелкослойная часть лиственничного дерева. . . отличается твердостью', *крень* 'дерево с хрупкой древесины, непригодной для столярных поделок', *крёмель* 'твердый, трудный для обработки участок ствола дерева (обычно у корня)'⁵⁴, *кремё* 'мягкий слой древесины, мязга' (собственно 'то, что отдирают'), 'смола и смолистое дерево'⁵⁵. Значение 'смола', как и значение верхнелужицкого *křemjel* 'древесный сок'⁵⁶, восходит, очевидно, к 'надсечка, подрез' → 'сок (березовый, кленовый), смола, добываемые с помощью надразов деревьев': ср. толкуемое именно таким образом польск. *oskoła* 'весенний сок растений', которое далее связывается с русск.-ц.-слав. *осколъ* 'скала', русским *осколок*, *скала*, *цель* — все к *(s)kel- 'колоть'⁵⁷.

Что касается ступени **krom-* (и.-е. *(s)krom-), то ее представляют в славянских не только указанные выше *kroma (*kromъka) 'край, грань, ребро, кайма, кант, поля, рама (картины), кусок хлеба (сала, мяса)' (ср. аналогичные значения в русских слов *край*, *краюха*, *сукрой* 'ломоть', также восходящих к *(s)ker- 'резать'), ее надежная форма, перешедшая в наречие, *kromě 'вне, кроме' и др. (см.), но и (предположительно) русск.-ц.-слав. *кромьство* 'внутренности, кишки, потроха' (ср. русск. *чрево* 'живот, чрево', мн. *черева* 'внутренности', польск. *trzewo*, *trzewa* 'внутренности', словц. *črevo* 'кишка' и др. — к праслав. *červo, возводимому к тому же и.-е. *(s)ker- 'резать', ср. и др.-прусск. *kertens* 'тело, живот'), др.-русск. *кромъ* 'внешнее городское укрепление, в частности, в Пскове' (в противоположность 'внутреннему' — *кремлю*, или *детинцу*)⁵⁸, русск. *кром* 'засыпной ларь, закром или засек'⁵⁹, новг. *сукрѡм* 'засек, закром, сруб'⁶⁰, олон., псков. *сукрѡмь* 'сруб черне'⁶¹, олон. *сѣкромь* 'срубы'⁶², яросл. *сукрѡмь* 'срубы'⁶³, польск. диал. *krom* 'ломоть хлеба'⁶⁴, н.-луж.

⁵² В е р н е к е р I, стр. 621; S ł a w s k i III, 1 (11), стр. 86; Ф а с м е р II, стр. 371.

⁵³ Словарь Оби 2, стр. 103.

⁵⁴ Б о г о р а з, стр. 72.

⁵⁵ Словарь Среднего Урала II, стр. 61.

⁵⁶ R f u h l, стр. 284.

⁵⁷ Ф а с м е р III, стр. 160; В г ü s k n e r, стр. 384 и др.

⁵⁸ Ф а с м е р II, стр. 380; IV, 337.

⁵⁹ Д а л ь³ II, стб. 506.

⁶⁰ Д а л ь³ IV, стб. 628; Опыт, стр. 220.

⁶¹ К у л и к о в с к и й, стр. 115; Д а л ь³ IV, стб. 628.

⁶² Опыт, стр. 220.

⁶³ М е л ь н и ч е н к о, стр. 196.

⁶⁴ К а г ł o w i c z II, стр. 480—481.

kšom-ik 'барьер, поручень, перила' ⁶⁵. Ф. Славский на основании русского *кром*, польского *krom* и нижнелужицкого *kšom-ik* восстанавливает возможный праславянский диалектизм **kromъ* (параллельное образование к о.-слав. **kroma*), хотя и не исключает тут возможности вторичной деривации: **kromiti* → **kromъ* ⁶⁶. Он отмечает здесь же и праславянский диалектный глагол **kromiti*, представленный в украинском (*кромити* 'делить'), верхнелужицком (*kromić* 'дробить, крошить') и русском (*кромить* 'отделять, отгораживать; сортировать, отбирать. . .', см. еще диал. *крбміть* 'подравнивать неровный край доски топором или пилой' ⁶⁷). В славянских языках фиксируется также ряд префиксальных глаголов и отглагольных имен: русск. *за-кромить* *гряду* 'поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалась', *закром* 'забранное досками место в житнице или хлебном амбаре. . ., засек, сусек' ⁶⁸ (интересен семантико-словообразовательный параллелизм двух синонимов *за-кром* и *за-сек*), *укромить* 'отгородить, отделить перегородкой о к р о м е, особо, по себе', *укромиться* 'отделиться от людей. . ., уединиться' ⁶⁹, севск. *укрумить* 'обрезать, укоротить' (где второе *у* развилось из *о* закрытого) ⁷⁰, укр. *прикроміти* 'унять' ⁷¹. Ступень **krom-* представлена и в блр. диал. *крбмля* 'кострица, отходы при очистке льна' ⁷², которое особенно семантически близко таким значениям сербохорватского слова *скрѣма*, как 'пленка, чешуйка, корка', ср. еще 'крошка' (*шкрѣмица*). Если все перечисленные здесь образования на славянской почве должны быть возведены к **krom-*, то русск. диал. (псков., южн., зап.) *скромѣдить* (*сено*) 'грести' (по мнению Даля этот глагол может быть результатом контаминации *гром-дить* и *скрести*) ⁷³, укр. *по-скромѣдити* 'поскрести, почесать', *у-скромѣдити* 'немного поскрести' ⁷⁴, видимо, надо возводить к **skrom-* (и.-е. **(s)krom-*).

Особо следует остановиться на русском диалектном (владимирском) слове *крбмы* 'ткацкий станок, кросны, со всем прибором и с основою' ⁷⁵. Принято считать его родственным древневерхненемецкому (*h*)*rāma* 'рама, станина', древнеанглийскому *hremtan* 'стискивать, препятствовать', которые возводятся согласно Поркорму к и.-е. **krom-* 'подставка, станина', представленному лишь в германских и славянских языках ⁷⁶. Учитывая тот факт,

⁶⁵ М у к а I, стр. 715.

⁶⁶ S ł a w s k i III, 2 (12), стр. 129.

⁶⁷ Словарь Среднего Урала II, стр. 64.

⁶⁸ Д а л ь² I, стр. 591.

⁶⁹ Д а л ь² IV, стр. 485.

⁷⁰ П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 390.

⁷¹ Ф а с м е р II, стр. 381.

⁷² С ц я ш к о в і ч, стр. 241.

⁷³ Д а л ь² IV, стр. 209.

⁷⁴ Г р и н ч е н к о III, стр. 362; IV, стр. 356.

⁷⁵ Д а л ь² II, стр. 197.

⁷⁶ П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 391—392; В е г н е к е р I, стр. 622; Ф а с м е р II, стр. 381; Р о к о г н у I, стр. 623—624.

что лексема *крѡмы* первоначально, по-видимому, обозначала четырехугольную раму ткацкого станка⁷⁷ (ср. русск. *крѡсна́*, мн., *крѡсны*, мн., *крѡсно*, ср., *крѡсна́*, ж. 'домашний ткацкий станок' и 'основание, рама ткацкого станка'⁷⁸, укр. *крѡсно*, чаще мн. *крѡсна* 'рама' и 'простой ткацкий станок. . .' ⁷⁹), а также то обстоятельство, что значение 'рама' обнаруживается уже у слова **kroma* (см. н.-луж. *křota* 'край, рубец, кромка, кайма' и 'рама'⁸⁰, ср. еще семантически близкое (указанное выше) н.-луж. *křot-ik* 'барьер, поручень'), видимо, следует прийти к выводу о неправомерности отрыва диалектного русского слова *крѡмы* от общеславянского **kroma* и помещения их в разные и.-е. гнезда. Что касается морфологического оформления русского *крѡмы*, то оно допускает возможность двойного истолкования. С одной стороны, как будто есть основания считать *кромы* по происхождению формой множественного числа от *крома* (**kroma*) или (по Бернекеру) — от **kromъ*. Тогда не исключалось бы предположение, что в древности ткацкая рама воспринималась как совокупность планок (граней), ее составляющих, — и в таком случае *кромы* собственно 'планки (границ)': ср. русск. *пѣло* 'шесть, доска для растяжки', *пѣла* (суконные), мн. 'столбы с прогоном и крючками', *пѣльцы*, мн. 'снряд для растяжки, рама для впяливания ткани. . .', женский рукодельный верстак'⁸¹, ср. еще укр. диал. *крѡсін'ц'а*, мн. 'стояки', 'козлы' и 'рама (ручной мельницы)'⁸². С другой стороны, уникальное русск. диал. (псков.). *кромѣнья* 'края'⁸³ подводит к мысли о возможной архаичной форме **kromy, -ene*, аналогичной **kremy, -ene*, позже осмысленной как форма мн. числа. Но так или иначе, закономерное семантическое развитие 'край, кайма, кант' → 'ребро, грань' → '(окаймляющая) планка, доска' → '(планки)' → 'рама' → 'простой ткацкий станок' свидетельствует в пользу единства общеславянского **kroma* и русского диалектного *кромы* (**kromy*) и возведения их к и.-е. **(s)ker-* 'резать'. Поэтому точка зрения, согласно которой эти лексемы отрывают друг от друга и разносят по двум разным и.-е. гнездам: **kroma* — к **(s)ker-* 'резать', а **kromy* — к **krom-* 'подставка' (Бернекер, Покорный и др.), кажется нам неприемлемой, как и та, в соответствии с которой оба этих слова возводят к и.-е. **krom-* 'подставка' (Преображенский и др.). При последней трактовке вообще не удастся убедительно объяснить целый ряд значений у **kroma*: 'кусоч (ломоть) хлеба' (русск. *крома*), 'кусоч сала, мяса' и др. (н.-луж. *křotica*), ср. и 'кострица, отходы при

⁷⁷ О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 17, 127.

⁷⁸ Словарь Среднего Урала II, стр. 64—65.

⁷⁹ Гринченко II, стр. 311.

⁸⁰ Мукa I, стр. 715.

⁸¹ Даль² III, стр. 552.

⁸² Онышкевич, стр. 387—388.

⁸³ Картоотека Псковского областного словаря (выписки В. А. Меркуловой).

очистке льна' (блр. диал. *крóмля*) и т. п. Предлагаемое нами объединение лексем **kroma* и *крóмы* под одной праформой **krom-* — к и.-е. **(s)ker-* 'резать' помогло бы также устранить разногласия в вопросе этимологической интерпретации и ряда других слов, в частности, русских *кремль* 'кремль' и *кром* 'внешняя стена города', которые Бернекер, Славский и др. справедливо связывают с **kroma* и далее со **(s)ker-*⁸⁴, а Грот, Преображенский и др. соотносят с **kroma*, которое они, однако, возводят, как мы отмечали выше, к др.-англ. *hretman* 'стискивать', др.-в.-нем. *hrama* 'рама'⁸⁵ и далее, согласно Покорному, к и.-е. **krom-* 'станина'. Со ступенью **krom-* индоевропейского корня **(s)ker-* 'резать', по-видимому, может быть также соотнесено праслав. и о.-слав. (кроме украинского) прилаг. **xromъ*. Мысль о возможной связи данной лексемы с корнем **skrem-* была высказана Брюкнером, который отметил, что исходным значением для *xromъ* следует считать 'пораненный чем-л. острым: саблей, топором'⁸⁶. Об этом же свидетельствует, в частности, и семантика континуант данной лексемы в древнерусском (*хромота* 'увечь', см. примеры из Смоленской грамоты: Аще кто друуга ранишь, а *хромоты* на телѣ не боудеть...; Или кто выбиеть око члвкоу, или ногоу ототнеть, или роукоу штотнеть, или иноую *хромоту* въ тѣлѣ оучинить...⁸⁷), старопольском (*chromy* не только 'хромой', но и 'калечный, увечный'⁸⁸), древнесербском (см. пример, приведенный в Загребском словаре: Тилеса *рома* и кляста⁸⁹. — Тела изранены (изувечены) и искалечены. Брюкнер не объясняет причин появления *x-* в слове **xromъ*, которое, по справедливому мнению Махека, могло возникнуть на славянской почве из *k-* (**kromъ*) в результате закрепления данной лексемы, обозначающей физический недостаток, в сфере экспрессивной лексики⁹⁰ (хотя дальнейшее толкование этого **kromъ*, предлагаемое Махеком, кажется неубедительным, см. ниже). Причем былое существование именной основы **kromъ*, в значении 'отрезанный; обрезок (кусок)' кажется вполне возможным: см. указанное выше **kromъ* (: польск. *krom* 'кусок хлеба' и др.), а также семантику русского (диал.) *крóмити* 'подравнивать неровный край доски топором или пилой', в.-луж. *kromić* 'дробить'. Интересно отметить, что в русских говорах замена начального *k-* звуком *x-* перед плавными (в частности, перед *-p-*) наблюдается, по-видимому, не только в словах экспрессивного характера: твер. *xресáло* 'резец для хвороста, пирожного' < *кре-*

⁸⁴ В е р н е к е р I, стр. 621; S ł a w s k i III, 1 (11), стр. 86.

⁸⁵ П р е о б р а ж е н с к и й I, стр. 381; 389—390.

⁸⁶ В г ü c k n e r, стр. 184.

⁸⁷ С р е з н е в с к и й III, стб. 1407.

⁸⁸ S ł a w s k i I, стр. 80—81.

⁸⁹ R J A III, стр. 705.

⁹⁰ V. M a c h e k. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch-* im Slavischen. — «Slavia», XVI, 2, 1939, стр. 191, 213; см. еще его статью в IF LIII, стр. 93—94.

*сáло?*⁹¹, обск. *хрѣсла* < *крѣсла*⁹². С семантической стороны этимологии Брюкнера может быть поддержана также фактом сосуществования значений 'бить, резать, ломать' — 'физический недостаток; увечный, калека' — 'хромой' в составе другого и.-е. гнезда: **let-* 'ломать': русск. *ломáть*, др.-исл. *lemja* 'бить, разбивать' — польск. *ułamność* 'физический недостаток', *ułamny* 'убогий, калека' — нем. *lahm* 'хромой', лит. *liúomas* то же⁹³. Итак, учитывая все эти факты, нужно принять (с необходимыми дополнениями) гипотезу Брюкнера и, вслед за Мейе и Славским, отказаться от старого сопоставления *xromъ с др.-инд. *srāmah* 'хромой'⁹⁴. По мнению Мейе, близость слов, представленных лишь в двух далеких языках, может быть случайной, т. к. названия уродств (увечий) часто не имеют и.-е. этимологии, подвергаясь частому обновлению, а, кроме того, др.-инд. *ā* не может соответствовать славянскому *ǫ*⁹⁵. Другие версии, о которых см. у Фасмера⁹⁶, также кажутся малоубедительными. Махек, первоначально поддерживавший традиционное сопоставление с др.-инд. *srāmā-* (см. указанные выше статьи), в последние годы выдвинул недостоверную гипотезу о возможной связи *xromъ с др.-инд. *srāmā-* и нем. *lahm* на основе общего и.-е. корня *lom-o-s, слав. *rom-o-s (на базе того, что и.-е. *r* может быть из *r или *l), причем *x-* в славянском слове и *s-* в древнеиндийском трактуются им как экспрессивные «усилители», характерные для эмоционально окрашенных образований⁹⁷.

Что касается сербохорватского диалектного (далматинского) слова *хромица* 'мера длины: расстояние между концами раздвинутых (большого и указательного) пальцев руки'⁹⁸, то вопрос его семантической соотнесенности с *хрѣм* 'хромой' оставался для П. Скока неясным⁹⁹. Однако связь этих слов достаточна прозрачна. Очевидно, *хромица* получила свое наименование в результате того, что процесс измерения с помощью угла, образованного двумя разведенными пальцами разной длины, напоминает своеобразное ковыляние («хромание»). См. еще идентичное семантическое сочетание: русск. *ковылять*, *ковыльнуть* 'хромать или прихрамывать, припадать на ногу, идти вперевалку'¹⁰⁰ и диал. *ковѣль* 'мерка, соответствующая погонной сажени в виде угла с перекадиной, сажень', *ковѣльнуть* 'сделать один взмах саженью, «ковылем» при измерении земли'¹⁰¹. Следует добавить, что с.-хорв.

⁹¹ Даль² IV, стр. 565.

⁹² Словарь Оби III, стр. 216.

⁹³ Фасмер II, стр. 516; Kluge - Götze¹⁵, стр. 432—433; «Польско-русский словарь». Под ред. М. Ф. Развадковской. М., 1963, стр. 654.

⁹⁴ Miklosich, стр. 91.

⁹⁵ A. Meillet. Le *x* du slave *xoditi*. — MSL XIX, 5, 1915, стр. 300.

⁹⁶ Фасмер IV, стр. 277.

⁹⁷ Machek², стр. 206.

⁹⁸ RJA III, стр. 705.

⁹⁹ Skok I, стр. 688—689.

¹⁰⁰ Даль² II, стр. 129.

¹⁰¹ Иванов а. Подмоск., стр. 204.

хромѣ имеет соответствие в одном из болгарских говоров — *хромѣ*, обозначающее ту же самую меру длины¹⁰².

На базе общего исходного значения 'резать; отрезанное' (а не 'жир, насыщение') о.-слав. **kъrmъ/a* 'корм' (< **(s)kъrmъ/a*) на основе количественного чередования должно быть соотнесено со **skormъ/a* (< *(s)kormъ/a*) и далее со **(s)ker-* 'резать'. Установление родства слов *kъrmъ (*kъrma), *kora, *kъrma 'корма' с греч. *κέρμα* 'обрезок, кусок, мелкая монета' и реконструкцию ряда **sker-* / **skor-* / **kor-* / **kъr-* находим уже у Крчека (согласно Славскому¹⁰³) и Шумана, где для *kъrmъ предполагается исходное значение 'отрезанный кусок', и дается семантическое сопоставление с греч. *καρπός* 'плод' и лат. *carpo* 'рву'¹⁰⁴. Бернекер уточняет эту мысль, отмечая, что **kъrmъ/a* — образование с помощью форманта *-to-* (*-ma-*) от корня **(s)qer-* 'резать'. Он приводит в ее поддержку ряд семантических аналогий: лат. *caro* 'мясо' ('отрезанный кусок мяса') — также к **(s)qer-*; греч. *δαίς* 'еда' — *δαίζω* 'делю, разрезаю на части, распределяю', франц. *portion* 'часть, доля' и 'порция еды'¹⁰⁵. Позже данная этимология была принята также М. Когеном¹⁰⁶, как наиболее вероятную ее излагает и Ф. Славский, допускающий такой путь развития значения: 'отрезанное (срезанное), сжатое' → 'корм для скота' → 'корм, пища'¹⁰⁷. Однако возможно, что семантическая эволюция была несколько иной, чем 'кусочек; порция, выделенная скоту' (или 'сжатое сено') → 'корм'. См. интересные в этом отношении русск. и болг. примеры: русск. *сѣчка* (= *рѣзка*) 'р е з к а, и з р у б л е н н а я солома, сено, пересыпанное отрубями, для корма скоту, крошеное сено, солома'¹⁰⁸, диал. (южн. и зап.) *отора*, *оторье* 'хлебный обой от молотьбы; смесь мякины, охоботья; пустой колос, мелкая солома и пр. корм скоту' при *оторѣть*, *оторѣть* 'обмолотить, обтереть, и з м е л ь ч и т ь треньем' (к *терѣть*) ср. еще орл. *выторки* 'отруби' и псков. *вотрины*, влад. *вотря*, ниж. *вотреть*, твер. *вотрѣц* 'обитый, обмолоченный, пустой колос, мелкая солома после молотьбы; мелкий корм для скота; мякина, солома, р е з к а, с е ч к а' (также к *терѣть*)¹⁰⁹; см. и *отруби* 'остатки от просеянной муки, и з м е л ь ч е н н а я под жерновом рубашка зерна; вотря, высевки, в ы к р о й к и, выторки'¹¹⁰; аналогично этому и болг. *kъrmѣ* 'корм

¹⁰² С т. С т о й ч е в. Днешно състояние на еркечкия говор. «Известия на Института за български език», кн. IV. София, 1956, стр. 364.

¹⁰³ Sławski II, 1 (6), стр. 80—81.

¹⁰⁴ Н. Ш у м а н. Etymologische Erklärungsversuche. — AfslPh XXX, 1909, стр. 303.

¹⁰⁵ В е р н е к е р I, стр. 668—669.

¹⁰⁶ М. К о г е н. Несколько поправок и дополнений к «Этимологическому словарю русского языка» А. Преображенского. — Изв. ОРЯС XXIII, 1. СПб., 1918, стр. 27—28.

¹⁰⁷ Sławski II, 1 (6), стр. 80—81.

¹⁰⁸ Д а л ь² IV, стр. 382; 121.

¹⁰⁹ Д а л ь² II, стр. 743; I, стр. 321; 253; Ф а с м е р III, стр. 172.

¹¹⁰ Д а л ь² II, стр. 752; Ф а с м е р III, стр. 173.

скоту, состоящий из отрубей, семян и измельченного фуража¹¹¹. Следовательно, вполне возможно, что **kъrmъ/a*, первоначально собственно 'резка, сечка (крошево)', т. е. 'измельченный (мелкий) корм для скота (изрубленная солома, мелкое сено, отруби и т. п.)' → 'корм для скота' → 'корм, пища'.

К той же ступени корня *(s)ker-, что и в **kъrmъ/a* 'корм', возводят и слав. *kъrma 'корма', которое в сербохорватском и болгарском языках значит также и 'рулевое весло, руль, кормило'¹¹². Современной наукой справедливо отвергается старое сопоставление его с греч. *κέρμα*, как сопряженное с фонетическими трудностями, и предпочитается сравнение с греч. *κορμός* 'колода, чурбан, полено', *κορμός ναυτικός*, 'весло'¹¹³. Итак, *kъrma собственно '(отрезанная) палка, жердь, часть ствола' (ср. значение также восходящего к *(s)ker- 'резать' литовского *kártis* — '(отрезанная) жердь, палка'¹¹⁴), затем 'весло, рулевое весло' → 'руль'. См. у Даля описание рулевого весла: ... правильное весло из бревна в 10—12 саж., навешиваемое с кормы¹¹⁵. Что касается значения 'корма', то оно должно было появиться позднее как наименование места, где устанавливалось рулевое весло. О вторичности его может, в частности, свидетельствовать семантика отыменного старого сербохорватского глагола, непосредственно связанная со значением 'руль', а не 'корма': *крмити* 'управлять рулем'¹¹⁶ (< *kъrmiti). Впоследствии, когда *kъrma получило свое второе значение — 'корма', с которым оно стало употребляться в большинстве славянских языков, появилась потребность в новом слове для обозначения руля и оно было создано на базе глагола *kъrmiti с помощью суффикса **dlo-* *kъrmidlo 'руль' (ст.-слав. *кърмисл*, с.-хорв. *крмил*¹¹⁷ и др.). Интересно отметить полное словообразовательное и акцентное тождество славянских слов (в частности, в сербохорватском), принадлежащих теперь к двум омонимичным самостоятельным гнездам, но исторически восходящих к одному общему и.-е. корню *(s)ker- 'резать': *крма* 'корм для скота' — *крма* 'корма; руль', *крмити* 'кормить (скот)' — *крмити* 'править рулем'. См. еще любопытное оформление по мужскому роду слова в значении 'корма' в словенском: *крт* 'корма' (при *крта* 'корм')¹¹⁸.

В последнее время получила поддержку и дальнейшее развитие гипотеза Брюкнера, согласно которой русск. *коромысло* (укр. *корбисло*, блр. *корбисел*) образовано с помощью суффикса *-сло* от *корма* (*kъrma 'руль, корма') и является близкородственным

¹¹¹ РБЕ IV, стр. 677.

¹¹² Толстой³, стр. 226; РБЕ IV, стр. 677—8.

¹¹³ Фасмер II, стр. 329.

¹¹⁴ Роконгу I, стр. 940, 942.

¹¹⁵ Даль² III, стр. 355.

¹¹⁶ Толстой¹, стр. 357.

¹¹⁷ Срезневский I, стб. 1405; Толстой¹, стр. 357.

¹¹⁸ Котник, стр. 159.

украинскому *корміга* 'яро' (в польском *koromysto* украинизм). Реконструкцию первой части Брюкнер, очевидно, представлял в виде **кърт-*, т. к. считал второе *о* неисконным¹¹⁹. Данная гипотеза не раскрывает характера семантической связи слов *коромысло* и *корма*, а также оставляет без объяснения природу *-ы* (*-*у-*) в лексеме *коромысло*. Что касается смысловой соотнесенности указанных слов, то она базировалась, очевидно, на общности их первоначального значения 'палка, брус, жердь'. Об исконности именно такой семантики для *кърта мы уже писали, ее же демонстрирует и лексема *коромысло* (*коромысел*), о чем свидетельствуют многочисленные диалектные примеры, приведенные в статье О. Н. Трубачева, один из разделов которой посвящен слову *коромысло*: русск. олон. *коромысло* 'палка, которой толкут в ступе белье', калинин. *коромысел* 'дышло у плуга'¹²⁰ (по Далю *дышло* 'одиночная оглобля, лесина'¹²¹) и др. Указанную семантическую связь 'палка (жердь, брус)' → 'коромысло' можно проследить и в других случаях: русск. диал. *хлуд* 'жердь, дубина', 'жердь для увязки воза сена, соломы' и 'рычаг, на коем двое носят ушат на плечах, водонос', *хлудёц* 'хворостина' и 'коромысло для носки вёдер'¹²²; нем. *Balken* 'балка, бревно, брус' и 'коромысло'¹²³. О. Н. Трубачев дал интересное объяснение формальной структуры слова *коромысло*: он реконструировал для него праформу *къртmysлъ, считая ее результатом развития суффиксального **кърт-ys-*, которое могло дать и *кърт-ух-а ($s > x$), ср. другой суффиксальный вариант *кърт-уг-а (укр. *корміга*). Такой подход дает возможность объяснить «темное» *ы* (**у*) и толковать *-yslъ-* как суффиксальную группу *-ys-лъ*¹²⁴. В пользу этого мнения, возможно, свидетельствуют не только такие примеры, как русск. диал. *коромысик* 'стрекоза', *коромыс* (наряду с *коромысел*, *коромысло*) 'коромысло'¹²⁵ (если они не вторичны), но, очевидно, и *коромышка* 'двухколесная повозка, служащая для перевозки навоза', зафиксированное в Рязанской области, где отмечено также *коромысли* не только 'коромысло', но и 'приспособление для перевозки сена на телеге, одре' и т. п. (: 'из «д'ир'ев'ййф, из а҃глоб'ййф») ¹²⁶. Коромышка очень напоминает одер, также двухколесную с небольшими бортами повозку для перевозки навоза и др. Борты эти были съёмными и назывались *крёсли* («...такие-та

¹¹⁹ В г і с к н е р, стр. 257.

¹²⁰ О. Н. Т р у б а ч е в. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии 48—52). «Этимология. 1972». М., 1974, стр. 35—41.

¹²¹ Д а л ь² I, стр. 508.

¹²² Д а л ь² IV, стр. 551.

¹²³ «Немецко-русский словарь». Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1964, стр. 113.

¹²⁴ О. Н. Т р у б а ч е в. Наблюдения по этимологии. . . , стр. 35—41.

¹²⁵ Картотека Словаря русских народных говоров; Словарь Ср. Урала II, стр. 50.

¹²⁶ Деулинский словарь, стр. 241.

п а л к и . . . , к р е с л и и с п л á н ь к . . . »)¹²⁷. Следовательно, *коромысли* и *кресли* обозначали здесь сходное приспособление из планок или жердей, которое использовалось при перевозке навоза и др. на одре или коромышке. Все эти факты (формальная близость, семантическая соотнесенность, фиксация в одном и том же говоре) позволяют считать слова *коромысли* и *коромышка* родственными. Видимо, можно предполагать для сущ. *коромышка* праформу *kъrm-yx-a (> *kъrm-yš-ьka) — ср. именно такую форму, реконструируемую О. Н. Трубачевым. В последнее время в качестве соответствия (с другой ступенью корневого вокализма) к вост.-слав. *kъrmyslъlo было привлечено зафиксированное в Словаре Сихты кашуб. *čärměslë* 'коромысло', которое О. Н. Трубачев трактует как **čъrmyslъ/b*, а Хинце как *čъrmyslo (и как его вариант — *kormyslo)¹²⁸.

Кроме того, предполагают, что русск. ц.-слав. *чрѣмъ шкурѣ* 'шатер' может продолжать ступень **čerm-* индоевропейского корня **(s)ker-* 'резать'. Данное слово сопоставляют с такими словами, как др.-инд. *cárman-* 'кожа', осет. *carм* 'шкура, кожа', др.-в.-нем. *scerm* 'защита', а, с другой стороны, с синонимичным русским ц.-слав. *череца* (*чърца*) 'шатер' (< *čertja), рассматриваемым в качестве производного от *čertъ (русск. *о-черет* 'камыш') и, следовательно, допускают трактовку 'обтянутый шкурами шатер' или 'тростниковая (камышовая) хижина'¹²⁹.

Из-за ограниченного объема данной статьи мы не смогли здесь остановиться на таких требующих подробного специального исследования словах, как польск. *skromny*, русск. *скромный* и пр., ст.-слав. *храмъ*, русск. *хоромы* и др. Поэтому в заключение остается лишь подчеркнуть, что и.-е. корень **(s)ker-* с расширителем *-m-* представлен в славянских языках многочисленными континуантами, демонстрирующими разветвленный апофонический ряд и разнообразную семантику.

¹²⁷ Там же, стр. 251.

¹²⁸ S u c h t a I, стр. 149; F. H i n z e. Die Namen *Scharmützel*, *Schermützel*, *Zermützel*, *Schermeisel* und ihre Deutung. Zugleich ein Beitrag zur Etymologie von ostslav. *коромысло* 'Wassertrage'. — ZfS XVII, 1972, стр. 19 и сл., со ссылкой на ст.: Г. П о п о в с к а - Т а б о р с к а. Kaszubskie *čerep*, *čerměslë* polską wersją *czerepa* i *koromyseł*. «Slavia Orientalis», 18, 1968, стр. 369—370; О. Н. Т р у б а ч е в. Наблюдения по этимологии. . . , стр. 37.

¹²⁹ Этимологический словарь славянских языков, вып. IV (рукопись).